

Марк ЗАХАРОВ, режиссер:

Тщеславие для театра вещь нормальная

Известия. — 2003 — 5 февр., с. 8

В опубликованном недавно списке соискателей Государственных премий за 2002 год значится имя Марка Захарова. Подобные премии вручаются, как правило, по совокупности заслуг. В данном случае эта «совокупность» имеет наглядное выражение — большая часть легендарных захаровских постановок до сих пор сохраняется в репертуаре «Ленкома», и публика на них до сих пор ломится. Марк Захаров и его труппа вообще напоминают футбольную команду, которая все время играет на грани фола. Судья пронзительно свистит, показывает игрокам желтые и красные карточки, но команда все равно чаще выигрывает, чем терпит поражение. Победенным (а точнее, покоренным) соперником выступает в этой игре зритель. Арбитром — его продвигают, именуемая критиками. Возмущение последних в отличие от футбола и неписаные. Недопустимым на драматической сцене считается залихватское комикование, оглушительная музыка, эффектные выходы на репризу. Марк Захаров на эти правила облокотился. Он придумал себе другие. Его спектакли существуют по законам Зрелища: все, что происходит или просто находится на подмостках, должно быть по-хорошему агрессивным: нравится не нравится, а на сцену все равно смотреть будешь. И через пять лет будешь. И через десять. О законе сохранения театральной энергии с Марком ЗАХАРОВЫМ беседует обозреватель «Известий» Марина ДАВЫДОВА.

— Мне тут дали что-то вроде шпаргалки с датами создания ваших спектаклей. «Жестокие игры» увидели свет в 1979 году, «Юнона и Авось» — в 1981-м, «Мудрец» — в 1989-м. По-моему, ни один театр не может похвастаться таким количеством таких старых постановок. Вас это только радует или еще и пугает?

— Театр вообще стремится к распаду, как и все на свете, а отдельный спектакль тем более. Эфрос уверял, что по-настоящему постановка живет только два года. Я, однако, так не думаю. Каждый спектакль, как и каждый человек, живет по-разному. «Юнона» и вовсе переживает сейчас какое-то третье рождение. Я понимаю, что репертуар театра не должен быть слишком громоздким и должен обновляться. Но сложно снимать спектакль, собирающий аншлаги, из-за которых приходится нарушать нормы противопожарной безопасности.

— А вы не оказываетесь в плену ваших собственных старых постановок? Может, надо иногда отринуть то, что делал раньше? Вот как Питер Брук, все время меняющий свою режиссерскую личину. Кстати, не всегда успешно меняющий.

— Может быть. Но я ведь тоже стремлюсь бороться со зрительским прогнозом. Я считаю, что «Юнона и Авось» не похожа на «Чайку». «Мистификация» с ее здоровым авангардизмом — на «Шута Балакирева». Но как бы я ни менялся, до камерного спектакля, рассчитанного на пятьдесят зрителей, я все равно не дойду. Мои постановки — это всегда некое яркое, поэтическое зрелище. В них есть приподнятость, праздничность. В них чаще всего есть хеппи-энд...

— Между прочим, именно на этих китах и строится жанр мюзикла. В нынешнем контексте,

когда мюзиклы так расплодились, вы воспринимаете их как своих неожиданно-негаданно обьявившихся конкурентов?

— Нет. Мюзикл имеет много разновидностей. «Юнона и Авось» не похожа на «Нотр-Дам де Пари», а «Королевские игры» на «Норд-Ост».

— Но спектакли Льва Додина тоже не похожи на спектакли Камы Гинкаса, а спектакли Анатолия Васильева на спектакли Петра Фоменко. В качестве соперников — а театр, как известно, очень соревновательная вещь — вы все же рассматриваете мюзиклы или Фоменко с Гинкасом?

— Я тяготею к психологической драме, к комедии, замешенной на системе Станиславского. Лучшие спектакли Фоменко или лучшие спектакли Додина для меня являются какими-то высокими образцами. В отношении мюзикла я подобных чувств не испытываю.

— Но тот же Васильев или Гинкас не ставят перед собой цель сделать спектакль, который собирал бы большой зал, да еще на протяжении многих лет. Одно дело экспериментировать, идти на риск, другое — делать коммерчески успешное зрелище.

— Поэтому я и был за разделение номинации «Лучший спектакль» в «Золотой маске» на малую и большую формы. Сделать спектакль для 50—60 человек, выстроить серию театральных ребусов (я только никого конкретно не имею в виду) — это меня не увлекает. Я понимаю, что никогда уже очень любимым мною и способным режиссер Гинкас не выйдет на большую сцену. Было бы интересно посмотреть, как он справится с залом на 700 человек.

— А вы могли бы сделать нечто, не обреченное на успех у публики? Просто для себя самого.

— Нет. Когда я сочиняю новый театральный проект, я всегда думаю о том, будет ли он держать внимание зрителей. Будут они уходить в антракте или нет. Многие мои коллеги, если вы заметили, делают спектакли без антракта. Это очень предусмотрено.

— Репертуар других драматических театров обновляется куда быстрее, чем репертуар «Ленкома». Вас не берут завидки, когда вы видите, как тот же МХАТ выпускает по двенадцать премьер за год? В этом же есть своя драйв.

— Я уважаю работоспособность как таковую. Независимо даже от результата. Иногда плачевного — вроде мхатовского спектакля «Тот, кто получает пощечины». Я стараюсь не говорить плохо про коллег, но теперь уже можно. Ведь спектакль этот уже сошел, хотя был выпущен совсем

недавно — в нынешнем сезоне. Я не гонюсь за количеством. Это раньше я вынужден был ставить спектакли к годовщине революции, к годовщине смерти вождя. Теперь можно не торопиться.

— Но дело не только в «датских» спектаклях, а еще и в привлечении в театр каких-то молодых сил. Даже «Современник», не замеченный раньше в любви к новой режиссуре, позвал в этом сезоне и Кирилла Серебренникова, и Нину Чусову. А Табаков на этом вообще построил репертурную политику.

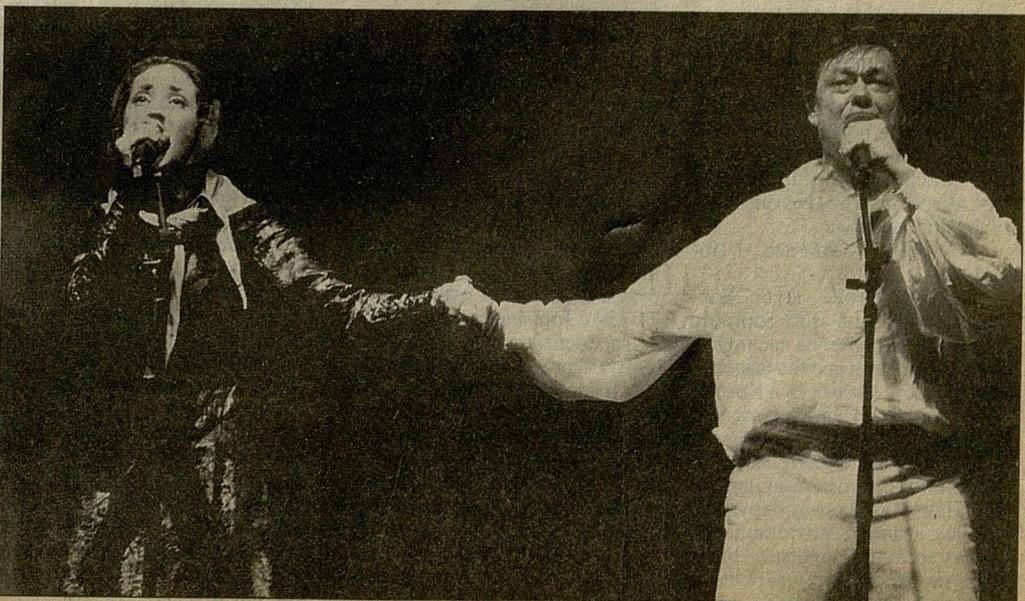
— У меня есть планы привлечения одного молодого эстонского режиссера. Но я не хотел бы превращать свой театр во что-то вроде «Школы современной пьесы» Иосифа Райхельгауза, который перебирает с количеством разных антреприз, а его собственное режиссерское начало я иногда теряю из виду.

— Вы не устали от своей профессии?

— Если честно, элементы депрессии иногда возникают по утрам.

— По-моему, она мешает думать о каких-то важных вещах. Наедине с собой побыть удается редко. Особенно такому востребованному человеку, как вы. Все время суета какая-то вокруг...

— Может быть. Но если какая-то твоя мысль, которая к тебе случайно залетела, может стать достоянием большого коллектива людей и иметь успех, от этого и испытываешь необычайную радость. А если эту радость перестанешь испытывать, то кончишься как режиссер. Должна быть во всем этом какая-то доля — не знаю даже, как лучше сказать — «тщеславие» слово плохое. Хотя для нашей профессии, наверное, нормальное. Без тщеславия невозможен никакий театральный продукт.

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

«Юнона и Авось» уже исполнился 21 год. Таких спектаклей-долгожителей в репертуаре «Ленкома» немало